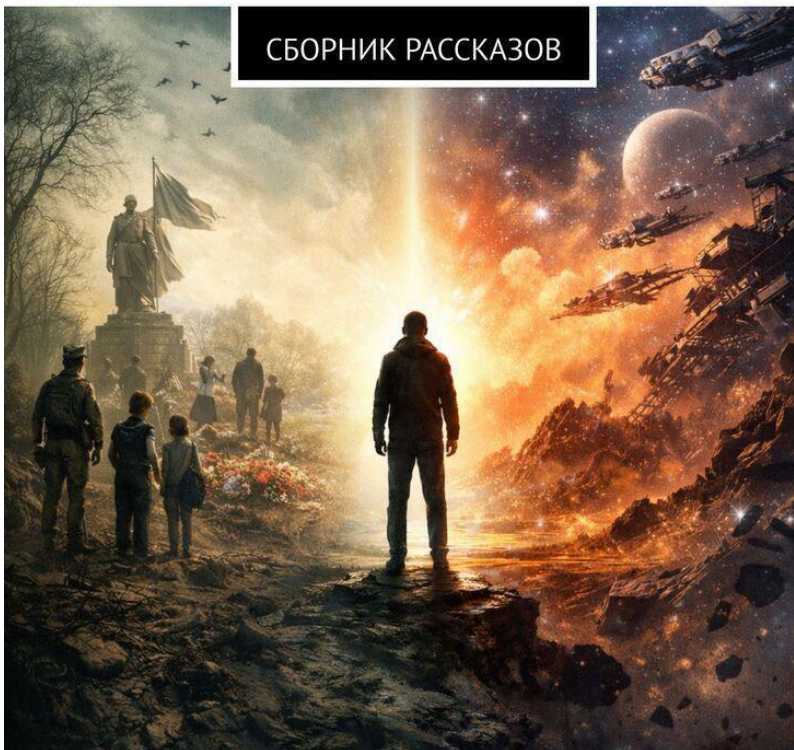

18+

ЕВГЕНИЙ БАРАНОВ

За пределами тишины

СБОРНИК РАССКАЗОВ

Евгений Баранов
За пределами тишины.
Сборник рассказов

<https://litres.ru/74148433>

ISBN 9785006998049

Аннотация

«За пределами тишины» — сборник рассказов о памяти, выборе и человечности.

О тех, кто ставит других выше себя.

О страхе, который делает нас тенью — и о моменте, когда мы решаемся выйти на свет.

Здесь нет идеальных героев — только живые люди, их боль, любовь и молчание, которое говорит громче слов.

Это книга о том, что самое важное — не исправить, а понять и быть рядом.

Содержание

Дедовы цвета	6
Лучше мы чем они	9
География души	11
Инструкция не прилагается	15
Первоапрельское эхо	27
Слепая зона	35
Конец ознакомительного фрагмента.	51

За пределами тишины

Сборник рассказов

Евгений Баранов

«За пределами тишины» — это сборник рассказов о том, что остаётся за словами.

О памяти, которая живёт в простых вещах. О людях, которые выбирают не себя, а других. О страхе, который делает нас тенью — и о моменте, когда мы всё-таки решаемся выйти на свет.

Здесь нет громких героев и идеальных историй. Здесь — дед, который видит мир в цветах памяти. Солдат, для которого главное — чтобы вернулись другие. Подросток, который понимает, что нельзя «починить» человека. И тот, кто долго молчал — но однажды нажал кнопку.

Каждый рассказ — это шаг за пределы привычного. Туда, где боль и любовь стоят рядом. Где молчание говорит громче слов. И где самое важное — не исправить, а понять и быть рядом.

Это книга о том, что делает нас людьми.

ISBN 978-5-0069-9804-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Дедовы цвета

Деда я помню руками. Шершавыми, в цементной пыли и вечных ссадинах, пальцами, которые могли так нежно держать стакан с чаем, что казалось, он обнимает его тепло. И глазами. Выцветшими до цвета дождевой воды, но зоркими до последнего дня. Мама называла его упрямым стариком, когда он отказывался переезжать из своего бревенчатого дома на окраине города в нашу уютную «хрущёвку». А я просто приезжал к нему на лето. Мир там пах смолой, старыми книгами и остывшей печной золой. В тот день я, гордый семиклассник, разложил перед ним новую коробку с тремя дюжинами карандашей. «Химия», — брезгливо хмыкнул он,

тыча пальцем в яркую этикетку. — «Настоящий цвет не имеет названия. Он имеет историю». Он взял один из карандашей, помеченный как «изумрудный», и положил рядом с пожухлым листом лопуха у крыльца. — Этот твой... изумруд. Он крикливый и пустой. А это цвет тайги в полдень, когда солнце бьёт в самую её глушь. Цвет силы. Цвет покоя. Я засмеялся: — И как же он называется? — Никак, — отрезал дед. — Он просто есть. Он вёл меня по его миру, как по карте сокровищ, где кладами были оттенки. — Смотри, — он указал на просочившийся сквозь щель в ставне солнечный луч, падающий на половик. — Это цвет бабушкиного платка. Того, шёлкового, в котором она на танцы бегала. Не желтый, не песочный. Это цвет её смеха. Он поднял с земли обломок кирпича. — А это... цвет моей злости. Таким стало небо в сорок третьем под Ржевом. Глиняным, тяжёлым, рваным. Таким оно горело. Не «красным», нет. Цвет войны. Запомни его. И постарайся больше никогда не видеть. Мы подошли к старому колодцу-журавлю. Дед зачерпнул воду в жестяную кружку и подал мне. — Видишь? Цвет глубины. Холодный, чистый, бездонный. Таким был глаза у твоего отца, когда он маленький был. Таким стал и у тебя. Я смотрел на воду, на своё отражение, и мне казалось, что я вижу не просто воду, а время. Вечером мы сидели на крыльце. Небо на западе полыхало алым. — Красивый, — выдохнул я. — Это не просто «красивый», — поправил дед, закуривая самокрутку. Дым смешался с сумерками. — Это цвет прощания. Таким бы-

вает небо, когда провожает солнце. Таким был свет в окне больницы, где я прощался с твоей бабкой. Таким стал каждый мой вечер после неё. Горький и сладкий одновременно. Он повернулся ко мне, и его водяные глаза стали неожиданно твёрдыми. — Всё придумали за нас. «Синий», «зелёный», «оранжевый». Сложили мир в коробку с тридцатью шестью карандашами и думают, что познали его. Не верь им. Твои чувства — вот твоя палитра. Твоя память — вот твой единственный настоящий цвет. Я уезжал на следующий день. Он стоял у калитки, прямой и сухой, как щепка. И махал мне рукой на прощание. Цвет его рубахи на фоне бревенчатой стены я бы назвал «цветом стойкости». Цветом одинокого дуба во поле. Цветом ожидания. Он умер той зимой. Теперь я сам стал взрослым. У меня есть свои дети и большая коробка карандашей на сто двадцать цветов. Но когда моя дочь тянет к небу пальчик и говорит: «Смотри, папа, голубое!», я опускаюсь на корточки и тихо говорю ей на ухо: — Это не просто голубое, дочка. Это цвет дедовых глаз, в которых утонуло самое чистое небо. Это цвет прощания, которое не стало вечным. Это цвет нашей памяти о нём. И я учу её не названиям, а чувствам. Потому что дедовы цвета — это не то, что можно увидеть. Это то, что нужно помнить. Сердцем.

Лучше мы чем они

— Привет... — тихо сказал голос справа Я открыл глаза. Белый потолок, запах лекарств и приглушённые шаги в коридоре. Сначала даже не понял, где я. Потом увидел соседа по койке — мужик лет сорока, крепкий, с коротко стриженными волосами. Рука в бинтах, плечо перевязано, но глаза спокойные. — Привет, — ответил я. Он усмехнулся. — Живы, значит. Мы немного помолчали. В госпитале вообще часто молчат. Тут у каждого свои мысли. — Ты откуда? — спросил он. — Из учебки... — сказал я. — Курсанты. Только приехали туда недавно. Он кивнул, будто и так знал. — Рязань? — Да. Он тихо вздохнул. — Понятно... Я там инструктором был. Сержант ВДВ. С пацанами работал. Я повернул голову. Теперь стало ясно — в нём чувствовалась эта армейская уверенность, спокойствие человека, который уже всё видел. — А сюда как? — спросил я осторожно. Он некоторое время смотрел в потолок, будто вспоминал. — Как всегда... Командировка на передний край. Нас часто отправляют. Инструкторов тоже. Говорят: вы опытные, справитесь. Он усмехнулся, но без веселья. — Я всегда пацанам говорил: лучше мы, чем вы. Я молчал. — Они у меня ещё зелёные, — продолжил он. — Только-только научились прыгать, бегать, стрелять... А глаза — как у пацанов после школы. Хочется, чтобы они подольше такими оставались. Он осторожно пошевелил пе-

ревязанной рукой. — В тот день всё быстро произошло. Миномёты, потом стрелкотня. Ребята мои растерялись немножко... Ну это нормально. Первый бой. Он на секунду закрыл глаза. — Я им крикнул: назад! В укрытие! А сам остался прикрывать. Надо было время дать, чтобы отошли. Я слушал и чувствовал, как в груди становится тяжело. — Успели? — спросил я. Он снова усмехнулся, но уже теплее. — Успели. Всех вывели. Немного помолчал и добавил: — Вот и хорошо. В палате снова стало тихо. Только капельница тихо постукивала. Он повернул голову ко мне. — Ты если вернёшься в Рязань... передай там пацанам одну вещь. — Какую? Он подумал и сказал тихо: — Пусть учатся хорошо. Каждая мелочь пригодится. И пусть берегут друг друга. ВДВ — это не про геройство. Это про то, чтобы все вернулись. Я кивнул. Он закрыл глаза и сказал почти шёпотом: — Лучше мы... чем они. И в этот момент я понял, почему такие люди становятся инструкторами. Потому что они думают не о себе. А о тех, кто идёт после них.

География души

Переезд в большой город заставляет героя стыдиться своего прошлого, своего далекого сибирского городка. Но работа над генеалогическим древом открывает ему правду: его прадед не покорял земли, а создавал их из вечной мерзлоты и стали. Сравнение старых и новых карт становится моментом истины, превращающим стыд в глубочайшую гордость за наследие своей семьи — волю, труд и целый мир, построенный своими руками.

Переезд в большой город был похож на прыжок в холодную воду. Сначала восторг, потом — леденящее чувство чужеродности. Здесь всё было другим: быстрым, громким, яр-

ким и немного высокомерным. Особенно люди. Одноклассники, услышав название моего городка, лишь пожимали плечами: «Где-то под Красноярском? А, понятно. Медвежий угол». И я начал стыдиться. Стыдиться своего «где-то», своего акцента, который я старательно выправлял, своих немодных, как мне казалось, воспоминаний. Я вымарывал из себя прошлое, стараясь стать своим в этом новом, блестящем мире. Мой сибирский городок с его низкими небами и дымом из труб завода становился для меня постыдной тайной. Всё изменилось с одним школьным заданием. Учительница истории объявила: «Составьте своё генеалогическое древо. Узнайте о своих корнях». Корни? Мои корни уходили в ту самую глушь, которую я так хотел забыть. Вечером, с неохотой, я спросил отца. «Прадед? — отец на мгновение прикрыл глаза, и его голос, обычно громкий и уверенный, стал тише. Он смотрел не на меня, а куда-то сквозь стену, будто в самую толщу времени. — Семён Ильич. Он не воевал, сынок. Его подвиг был другого рода». И пошла нить. История, которую я слышал краем уха в детстве, но до которой мне не было дела, ожила. Мой прадед и десятки других таких же, как он, были сосланы в сибирскую глухомань не как преступники, а как строители. Строители новой жизни. Они прибыли на пустое, промёрзшее место, где ветер гулял безраздельно. Их задачей было построить домну, которая будет давать металл, из которого потом вырастали мосты через великие реки, складывались каркасы московских высоток и отливались

рельсы, убегающие на тысячи километров на восток. Отец говорил, а в комнате будто повеяло сорокаградусным морозом. Я видел их — этих людей с волей крепче стали, которую они должны были выплавить. Они рубили лес, возводили бараки, а потом и сам завод, камень за камнем. Замерзали, голодали, но не сдавались. Они не брали высоты с оружием в руках — они побеждали стихию. Из «ничего» они создали «всё»: сначала завод, потом вокруг него вырос наш городок с улицами, школой, парком. На следующий день я, затаив дыхание, разглядывал в интернете старые карты. И нашёл. Жёлтый, потрёпанный скан листа середины прошлого века. На месте моего города было пустое поле, пересечённое тонкими ниточками проселочных дорог. Ни намёка на жизнь. Я открыл современную карту. Тот же самый участок земли был испещрён десятками улиц, квадратиками домов, чётким контуром завода. И тогда меня осенило. Это не просто две карты. Это «до» и «после». Моя семья, мой прадед были теми, кто стоял между этими двумя изображениями. Они не просто жили на этой земле. Они её придумали. Они вписали её имя на все карты страны. Каждый кирпич в моей старой школе, каждое дерево в нашем парке, огни в окнах домов — всё это было делом их рук, продолжением их воли. Их наследие было не в пыльных альбомах, оно было вокруг. Оно было целым миром. Настал день доклада. Когда подошла моя очередь выходить к доске, я больше не чувствовал стыда. В руках я сжимал распечатанные карты. Я видел любопытные,

немного скучающие лица одноклассников. Я глубоко вдохнул и начал. «Раньше я думал, что я из медвежьего угла. Теперь я знаю — это не так». В классе повисла тишина. «Я из места, которое мой прадед построил своими руками. На пустом месте, в лютый мороз он и такие же, как он, возвели не просто завод. Они построили мир. Мою малую Родину. И это моё самое главное наследие — не земля и не дома, а их сила, их воля и их труд. География моей души навсегда прочерчена по контурам того самого города. И я горд, что ношу эту карту в своём сердце». Я закончил. Тишина была другой — уважительной, глубокой. А я впервые за долгое время чувствовал себя не пришельцем из глуши, а наследником великих строителей. Потомком людей, которые не боялись начинать с чистого листа. И этот лист стал картой моего сердца.

Инструкция не прилагается

Что, если мир — это конструктор? Вите 13, и однажды он получает странный подарок без отправителя — очки, которые показывают реальность как набор кубиков. Дома, дороги, вещи... даже люди. И самое главное — всё это можно менять. Сначала это кажется крутой игрой. Витя делает путь до школы короче, чинит старые вещи и даже помогает бабушке избавиться от боли. Но однажды он решает «починить» друга. И понимает, что убрав боль, можно

случайно стереть и самого человека. Когда мир начинает буквально трещать по швам, Витя сталкивается с тем, о чём не было написано ни в одной инструкции: людей нельзя переделывать. Даже из лучших побуждений. Иногда самое важное — не исправить, а просто быть рядом.

Часть 1. Коробка без отправителя Вите недавно исполнилось тринадцать. Пятого апреля. Он ждал этот день почти месяц — не из-за подарков даже, а потому что тринадцать звучало серьёзно. Почти как взрослый. Но всё прошло как обычно: торт, мама, пару звонков и скучное «ну ты уже большой». А в субботу он снова ехал к бабушке. Один. На автобусе. Витя сидел у окна, уткнувшись в телефон. Интернет то ловил, то пропадал. За окном тянулись одинаковые дома, потом деревья, потом снова дома. — Скорей бы доехать, — пробормотал он. У бабушки было спокойно. Даже слишком. Ни тебе друзей, ни нормального вайфая, ни движухи. Автобус дёрнулся и остановился. — Конечная! — крикнул водитель. Витя вышел, закинул рюкзак на плечо и пошёл по знакомой дороге. Двор, качели, старая лавка — всё как всегда. Но у подъезда его ждал сюрприз. На лавке стояла коробка. Обычная. Картонная. Небольшая. Витя оглянулся. Никого. — Эээ... — он подошёл ближе. На коробке не было ни адреса, ни наклеек. Только сверху лежала сложенная бумажка. Витя взял её. На ней было написано от руки: «С днём рождения, Витя. Не всё в этом мире нужно исправлять.» Он нахмурился. — Это ещё что за прикол?.. Почерк был незнако-

мый. Мама? Вряд ли. Она бы позвонила. Друзья? Тоже нет — никто не знал, что он здесь. Витя медленно открыл коробку. Внутри лежали очки. Странные. Не как обычные — без оправы почти, тонкие, будто прозрачные. И на дужке — маленькая кнопка. — Ладно... — протянул он. — Уже интересно. Он взял их, повертел. Никаких инструкций. Только та записка. Витя снова посмотрел по сторонам. Тишина. — Ну... если это розыгрыш, то норм, — сказал он и надел очки. Секунда. Ничего. — Ясно... Он уже хотел снять их, как вдруг — Щёлк. И мир... изменился. Витя замер. Всё вокруг стало... другим. Дом перед ним, лавка, качели — всё как будто осталось тем же, но поверх появилось что-то странное. Сетка. Как в игре. Он протянул руку к лавке. И резко отдернул. Лавка была не цельной. Она состояла из кубиков. Маленьких, аккуратных, как в конструкторе. — Чего?.. — выдохнул он. Он осторожно дотронулся. Один кубик чуть сдвинулся. Витя замер. Сердце заколотилось. — Да ладно... Он взялся за него и потянул. Кубик... вышел. Просто взял и вышел из лавки. Витя уставился на него. Он был лёгкий. Полупрозрачный. И немного светился. — Это что, типа... реальность из блоков?.. Он отпустил кубик — и тот сам вернулся обратно. Витя нервно усмехнулся. — Окей... окей... спокойно... Он огляделся. Дом — из кубиков. Деревья — из кубиков. Даже асфальт под ногами — тоже. — Это что за игра такая?.. Он шагнул к качелям и попробовал снова. Вытащил один блок. Потом поставил его чуть выше. Качели

стали кривыми. — ХА! — Витя засмеялся. — Работает! Он быстро вернул всё назад. Руки чуть дрожали — от волнения, но было... круто. Очень круто. В этот момент дверь подъезда скрипнула. Вышла бабушка. — Витя? Ты уже приехал? Он повернулся к ней. И замер. Бабушка тоже была из кубиков. Но не таких, как лавка или качели. Они были сложнее. Некоторые мягко светились. И двигались... как живые. Витя опустил руку. Сердце вдруг стало биться медленнее. — Бабушка... — Ты чего стоишь? Замёрзнешь, — сказала она, ничего не замечая. Витя молча кивнул. Но внутри стало как-то странно. Если всё можно разобрать... то что будет, если тронуть человека? Он посмотрел на записку в руке. «Не всё в этом мире нужно исправлять.» Витя сглотнул. — Посмотрим... — тихо сказал он. И пошёл за бабушкой в подъезд. Очки на его лице едва слышно щёлкнули. Будто ждали, что он сделает дальше.

Часть 2. Когда всё можно исправить

Витя почти не спал. Он лежал в кровати, смотрел в потолок — точнее, в кубики, из которых он состоял — и прокручивал одно и то же: Это реально работает. Очки лежали рядом на тумбочке. Он даже пару раз проверил — снимал их, надевал. Без них мир был обычным. С ними — как в игре. — Это не сон... — прошептал он. Утром он вскочил раньше бабушки. Схватил очки. Надел. Щёлк. И снова — сетка, кубики, тихое свечение. — Доброе утро, мир... — усмехнулся Витя. На кухне бабушка уже стояла у плиты и

тихо ворчала: — Ох, колени мои... Витя замер в дверях. Колени. Он медленно подошёл ближе и присмотрелся. Там, где у бабушки были суставы, кубики выглядели... не так. Они чуть дрожали и светились тусклее. — Хм... — Ты чего там стоишь? — спросила бабушка. — Иди есть. — Сейчас, — ответил Витя. Он присел рядом. Сердце снова начало колотиться. — Бабуль... а у тебя сильно болят? — Да терпимо, — махнула она рукой. — Возраст, куда деваться. Витя протянул руку. Остановился. А если я сломаю что-то?.. Но потом подумал: Я же просто чуть-чуть поправлю. Он аккуратно «схватил» один тусклый кубик. И вытащил. Бабушка даже не заметила. Витя заменил его на соседний — более яркий — и поставил всё обратно. Пауза. — Мм... — бабушка вдруг выпрямилась. — Слушай... странно... — Что? — Как будто полегче стало. Витя замер. — Правда? — Ну да... — она пошевелила ногой. — Не так ноет. Витя почувствовал, как внутри всё вспыхнуло. Я могу это делать. Он отвернулся, чтобы скрыть улыбку. — Ну вот, — сказал он. — Я же говорил, всё норм. После завтрака он вышел на улицу. Очки — на месте. Мир — снова из кубиков. И теперь это уже не пугало. Наоборот. Витя чувствовал себя... как будто получил чит-коды. Он шёл по двору и смотрел на всё иначе. Лавка — можно передвинуть. Качели — можно починить. Дорожка до остановки... Он остановился. И медленно улыбнулся. — А если... Через десять минут он стоял у дороги и смотрел на результат. Тропинка, по которой он всегда ходил, стала ко-

роче. Просто... короче. Он аккуратно «снял» лишние куски и переставил их. Теперь путь срезал угол двора. — Да это же имба... — выдохнул Витя. Он дошёл до остановки быстрее обычного. Минут на пять. — Ого... В автобусе он не удержался. Проверил сиденье. Кубики. Он чуть подправил спинку — и она стала удобнее. — Ха! Рядом сел мужик и сразу расслабился. — О, нормально тут, — пробормотал он. Витя отвернулся к окну, чтобы не заржать. Я реально это делаю. Весь день превратился в эксперимент. Где-то он выровнял кривую плитку. Где-то сделал дверцу легче открывающейся. Даже в школе (он на секунду заскочил туда за тетрадью) он укоротил коридор — совсем чуть-чуть. Никто ничего не понял. Но всем стало удобнее. И это было лучшее чувство. Вечером он встретился с другом — Артёмом. Тот сидел на лавке и пинал камешек. — Ты чего? — спросил Витя. — Да так... — буркнул Артём. — Настроения нет. Витя сел рядом. Посмотрел через очки. И сразу заметил. У Артёма внутри — среди обычных светящихся кубиков — были тёмные. Тусклые. И как будто тяжёлые. — Ты из-за чего? — спросил Витя. — Да всё сразу, — пожал плечами Артём. — Дома фигня, в школе тоже... Он замолчал. Витя смотрел на эти тёмные кусочки. И думал. Я же могу помочь. Не просто лавку или дорогу. А по-настоящему. — Слушай... — медленно сказал он. — А если бы можно было просто... убрать это? — Что убрать? — не понял Артём. Витя не ответил. Он уже смотрел на те самые кубики. Рука чуть дрожала. Но внутри было чув-

ство, что он делает правильно. Я же не ломаю. Я чиню. Он протянул руку. Почти коснулся. И вдруг — в голове всплыло: «Не всё в этом мире нужно исправлять.» Витя замер на секунду. Посмотрел на друга. Тот сидел, опустив голову. — Бесит всё... — тихо сказал Артём. Витя сжал пальцы. И всё-таки потянулся к кубику. — Сейчас... — прошептал он. — Я помогу.

Часть 3 Не все можно исправлять.

Пальцы Вити зависли в воздухе. Прямо перед тёмным кубиком. Он видел его чётко — тусклый, тяжёлый, как будто лишний. Артём сидел рядом и молча ковырял носком кроссовка землю. — Бесит всё... — тихо сказал он. Витя сглотнул. Я же могу помочь. Не лавку. Не дорогу. По-настоящему. — Слушай... — сказал он, стараясь звучать спокойно. — А если бы стало легче? — В смысле? — Артём даже не поднял голову. Витя не ответил. Он уже потянулся. Кубик под пальцами оказался холодным. Странно холодным. На секунду Витя остановился. В голове всплыло: «Не всё в этом мире нужно исправлять.» Он поморщился. — Да это просто слова... — пробормотал он. И потянул. Кубик вышел легко. Слишком легко. Как будто сам хотел, чтобы его убрали. В тот же момент Артём замолчал. Прямо на полуслове. Витя резко повернулся к нему. — Эй? Артём медленно поднял голову. И улыбнулся. Но это была не его улыбка. Слишком ровная. Слишком спокойная. — Всё нормально, — сказал он. Голос был... пустой. — Мне хорошо. У Вити внутри что-то

сжалось. — В смысле хорошо? — он нервно усмехнулся. — Ты же только что говорил... — Сейчас всё отлично, — перебил Артём тем же ровным голосом. — Никаких проблем. Витя замер. Через очки он видел: на месте тёмного кубика теперь пустота. И вокруг неё всё стало бледнее. Как будто вытащили не одну деталь, а кусок чего-то важного. — Подожди... — Витя быстро достал кубик из руки. — Сейчас верну. Он попытался вставить его обратно. Кубик дёрнулся. И... не встал. — Давай... — прошептал Витя. — Ну давай же... Он попробовал ещё раз. И ещё. Ничего. Как будто теперь это уже не его место. Артём сидел рядом. Улыбался. Смотрел куда-то мимо. — Всё хорошо, — повторил он. Витя резко отодвинулся. — Да нет же! Это не хорошо! Лавка под ними вдруг тихо скрипнула. Сильнее, чем обычно. Витя замер. Посмотрел вниз. Несколько кубиков на краю лавки... дрогнули. Один чуть вылез. И встал обратно. Сам. — Ты видел?.. — прошептал Витя. — Что видел? — спокойно спросил Артём. Он даже не повернулся. Витя оглянулся. Двор. Качели. Деревья. Всё было на месте. Но... что-то стало не так. Как будто картинка чуть «плыла». Незаметно. Но если приглядеться — видно. — Нет... нет, нет, нет... — зашептал Витя. Он снова посмотрел на Артёма. Через очки. И увидел ещё хуже. Там, где раньше были разные кубики — яркие, тёмные, тёплые — теперь часть из них стала одинаковой. Блеклой. Как будто стерли разницу. — Я... я это сделал?.. — голос у него дрогнул. Артём повернулся. Улыбнулся. — Всё нормально,

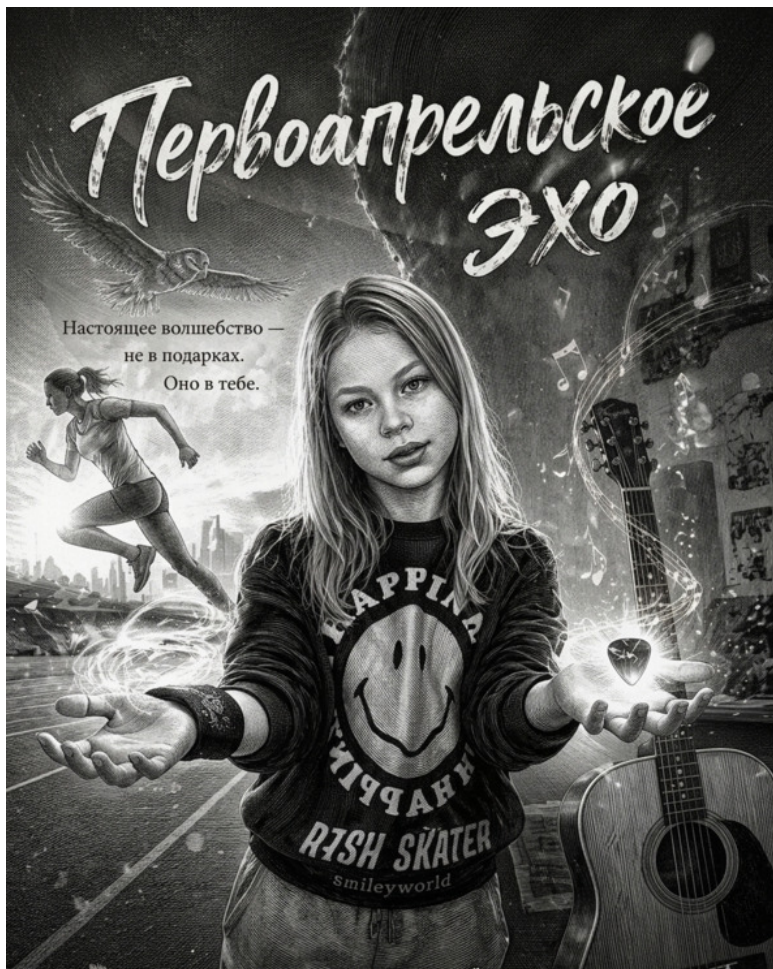
Вить. И вдруг — где-то рядом щёлкнуло. Громче, чем раньше. Не в очках. В мире. Как будто что-то... треснуло. Витя резко поднял голову. Прямо перед ним воздух на секунду «разошёлся». Как глюк в игре. Кубики там сдвинулись. Не по его воле. Сами. — Это уже не я... — прошептал он. И в этот момент он впервые по-настоящему испугался. Не за очки. Не за эксперимент. А за то, что он не сможет вернуть всё обратно. Он сжал в руке тот самый кубик. Холодный. Чужой. И вдруг понял: дело было не в нём. А в том, что он из него убрал. — Артём... — тихо сказал он. — Скажи честно... тебе правда хорошо? Пауза. Очень короткая. — Да, — ответил тот. Но в этом «да» не было ничего. Вообще ничего. Витя закрыл глаза на секунду. И открыл. Мир снова чуть дрогнул. Как будто не выдерживал. И где-то внутри появилась мысль: я залез туда, куда нельзя было. И в этот раз... просто «поставить обратно» не получится. Витя стоял, будто прирос к земле. В руке — тот самый кубик. Холодный. Чужой. Он сжимал его так сильно, что пальцы начали ныть. Артём сидел рядом. И улыбался. Не как обычно — криво, живо, по-настоящему. А ровно. Как будто кто-то нарисовал эту улыбку и забыл стереть. — Всё нормально, Вить, — сказал он спокойно. — Чего ты напрягся? Витя вздрогнул. — Да ничего не нормально! — резко ответил он. — Ты... ты вообще слышишь себя? Артём чуть наклонил голову. — Слышу. Пауза. — И всё нормально. И опять эта пустота в голосе. Как будто слова есть... а внутри никого. Витя шагнул назад. Лавка тихо

скрипнула под ногой. Слишком громко. Он опустил взгляд — и заметил, как один из кубиков у края чуть выдвинулся. И встал обратно. Сам. — Нет... — прошептал Витя. — Пожалуйста, только не это... Воздух вокруг будто стал плотнее. Тяжелее. Даже дышать стало как-то труднее. Витя резко поднял голову. Мир... дрожал. Не сильно. Но теперь это было видно. Качели на секунду «поплыли», как будто изображение зависло. Стена дома будто чуть съехала в сторону — и вернулась. — Я это сделал... — выдохнул он. — Я правда это сделал... Он снова попытался вставить кубик. С силой. — Давай! — прошептал он. — Вернись! Кубик дёрнулся. И... отскочил. Как будто его оттолкнули. Витя замер. Руки опустились. — Почему ты не встаёшь?.. — тихо спросил он. Ответа не было. Только — тишина. Но не обычная. А такая, от которой мурашки по спине. Витя медленно поднял глаза. Прямо перед ним воздух... начал двигаться. Как вода. Кубики в этом месте перестали подчиняться. Они собирались сами. Медленно. Аккуратно. Будто кто-то невидимый складывал их, не торопясь. Витя не мог пошевелиться. Не от страха даже. От какого-то странного чувства... как будто сейчас происходит что-то очень важное. Свет. Мягкий. Тёплый. И из него — силуэт. Нечёткий. Но... живой. Витя выдохнул: — Это вы?.. Ответ прозвучал не снаружи. Внутри. Тихо. Но так, что его невозможно не услышать. — Ты уже видел меня. Витя сглотнул. — Я... я всё сломал... Ответ пришёл не сразу. Как будто его обдумывали. — Ты вмешался. Витя резко мот-

нул головой. — Я хотел помочь! Он страдал! — Да. Просто «да». Без спора. Без упрёка. И от этого стало ещё тяжелее. Витя посмотрел на Артёма. — Посмотрите на него! — голос сорвался. — Он же... пустой! — Он перестал чувствовать. — Так это же хуже! Тишина. И мягкий ответ: — Хуже — это не всегда очевидно сразу. Витя нахмурился. — В смысле?.. Свет чуть дрогнул. — Ты убрал боль. Но вместе с ней — и всё остальное. Витя опустил взгляд. На кубик. Тёмный. Неровный. — Я думал... если убрать плохое... останется хорошее... — Так не работает. Витя тихо выдохнул. — Тогда зачем это всё?.. — он показал на друга. — Зачем вообще чувствовать, если это так сложно? Пауза. Долгая. Но тёплая. — Потому что только так человек настоящий. Витя медленно кивнул. Как будто не сразу, но понял. — И... я уже не могу просто вернуть, да? — Можешь. Он резко поднял голову. — Но он не встаёт! — Ты пытаешься починить. — А что не так?! Ответ был очень тихим. — Ты не вещь чинишь. Ты человека касаешься. Витя замер. И вдруг... ему стало стыдно. По-настоящему. Не потому что «ошибся». А потому что... залез туда, куда его никто не звал. Он посмотрел на Артёма. Долго. — Слушай... — тихо сказал Витя. Артём повернул к нему голову. — Да? И в этом «да» снова не было ничего. Витя сглотнул. — Прости меня. Пауза. — Я... не имел права решать за тебя. Голос дрогнул. — Даже если хотел как лучше. Он опустил взгляд. — Ты имеешь право злиться. И беситься. И вообще... всё это чувствовать. Тишина. Очень ко-

роткая. Но живая. Витя медленно поднял руку. И аккуратно поднёс кубик обратно. На этот раз он не торопился. Не давил. Не пытался «заставить». Просто... вернул. Щёлк. Кубик встал. Легко. Как будто всё это время ждал именно этих слов. Артём резко вдохнул. Как будто вынырнул. — Блин... — он нахмурился. — Чё-то мне опять не очень... Он потерял лицо. Посмотрел на Витю. И вдруг усмехнулся. Уже по-настоящему. — Но... спасибо, что не ушёл. Витя улыбнулся. Слабо. Но искренне. — Я и не собирался. Он поднял глаза. Светлая фигура уже исчезала. Мир переставал дрожать. Всё становилось... обычным. — Подождите! — сказал Витя. — Я больше так не буду! Лёгкий ответ: — Будешь. Он замер. — Все иногда пытаются «исправить» других. Главное — вовремя остановиться. Витя тихо кивнул. — А очки?.. — Это был только способ увидеть. Щёлк. Очки на лице потухли. Витя снял их. Они рассыпались в руках. Как пыль. И исчезли. Со всем. Он стоял и смотрел на пустые ладони. Потом — на Артёма. Настоящего. Не идеального. Но живого. — Пошли? — сказал Артём, пнув камешек. — Прогуляемся? Витя усмехнулся. — Пошли. Они пошли по двору. Лавка была кривой. Дорога — длинной. Жизнь — сложной. Но Витя вдруг подумал: может, её и не надо чинить. Иногда достаточно просто быть рядом. И не трогать то, что делает человека... им самим.

Первоапрельское эхо

Первое апреля в семье Вики всегда было днем борьбы со скепсисом. Друзья присылали сообщения с розыгрышами, а брат по традиции пытался пошутить. Но в этом году, когда Вике исполнилось четырнадцать, всё было иначе. Утро началось не с шутки, а с тишины. На кухонном столе лежал странный сверток из грубой крафтовой бумаги, перевязанный обычной бечевкой. Ни открытки, ни подписи. Внутри Вика обнаружила две вещи: черный кожаный напульсник с тиснением в виде летящего сокола и перламутровый гитарный медиатор, который странно переливался, будто внутри него дрожал крошечный бензиновый огонек. — От кого это? — спросила она у мамы. — Понятия не имею, дорогая. Решила, что это кто-то из твоих ребят из секции занес. Вика надела напульсник на левое запястье. Кожа была прохладной, но через секунду по руке разлилось приятное, покалывающее тепло. «Стильно», — подумала она и отправилась на тренировку по легкой атлетике. На стадионе пахло весной и мокрым тартаном. Тренер хмурился: — Вика, сегодня работаем над прыжками в длину. Нужно дожать те пять сантиметров, которых тебе не хватает до КМС. Вика вышла на дорожку. Она чувствовала себя странно легкой, будто гравитация на этом конкретном стадионе вдруг стала вдвое меньше. Разбег. Толчок. В момент прыжка ей показалось, что время замедлилось. Она не просто прыгнула — она зависла в воздухе на лишнюю долю секунды. — Ого... — выдохнул тре-

нер, глядя на отметку. — Вика, ты перелетела яму. Пять восемьдесят? Ты что, на завтрак ела ракетное топливо? Вика смотрела на свои ноги, не веря глазам. Она даже не запыхалась. Но стоило ей взглянуть на напульсник, как ей показалось, что сокол на коже на мгновение прищурился. Вечером, все еще пребывая в шоке, она взяла гитару. Предстоял сложный пассаж в стиле фламенко, который не давался ей уже месяц. Вика зажала медиатор пальцами. Как только пластик коснулся струн, комната наполнилась звуком такой чистоты и скорости, что у Вики пошли мурашки. Пальцы левой руки летали по грифу сами собой. Она не думала о нотах — ноты сами рождались под её руками. Это была идеальная музыка. Но, доиграв последний аккорд, Вика поймала себя на мысли: она не помнит, как именно она это сделала. Будто гитара играла на Вике, а не Вика на гитаре. — С первым апреля, — прошептала она, глядя на мерцающий медиатор. — Кажется, этот розыгрыш зашел слишком далеко. К середине апреля жизнь Вики превратилась в бесконечный парад побед. То, на что раньше уходили месяцы изнурительных тренировок и стертые в кровь пальцы, теперь давалось по щелчку пальцев. На стадионе её стали называть «Вика-молния». На областных соревнованиях по легкой атлетике она вышла на старт, чувствуя, как напульсник на руке едва заметно пульсирует в такт её сердцу. Выстрел стартового пистолета — и Вика превратилась в размытую тень. Она не бежала, она летела над дорожкой. Когда она пересекла финишную черту,

ближайшая соперница была позади в десяти метрах. Это был не просто отрыв, это был разгром. — Невероятно! — кричал комментатор. — Эта девочка просто не знает усталости! Вика стояла на пьедестале, сжимая в руках золотую медаль. Вес золота был приятным, но внутри шевельнулось странное чувство. Она посмотрела на свои ноги: они не гудели от приятной усталости, мышцы не «горели». Она чувствовала себя так, будто просто прогулялась за хлебом. Неделю спустя наступил черед гитарного конкурса. Зал консерватории был полон. Вика вышла на сцену с акустической гитарой. В кармане лежал тот самый перламутровый медиатор. Стоило ей начать, как жюри замерло. Вика закрыла глаза. Магия медиатора вела её через сложнейшие переборы, выдавая такие каскады звуков, которые под силу только мастерам с мировым именем. Зал взорвался аплодисментами еще до того, как затихла последняя струна. — Ты гений, Вика! — восторженно шептали одноклассники за кулисами. Но дома, вечером, Вика решила попробовать поиграть обычным пластиковым медиатором. И тут её ждал ледяной душ. Пальцы казались чужими. Они путались в струнах, спотыкались на элементарных аккордах. Без «волшебного помощника» она играла хуже, чем в двенадцать лет. Она попробовала пробежаться

по парку без напульсника — и через триста метров у неё закололо в боку, а дыхание сбилось, будто она никогда не занималась спортом. Магия не просто помогала ей. Она заби-

рала её собственные навыки, превращая Вику в зависимую тень самой себя. — За все нужно платить, — вдруг вспомнила она старую поговорку. — Но я не думала, что ценой буду я сама. Впереди маячил финал сезона: Гран-при по легкой атлетике и большой отчетный концерт, на который пригласили скаутов из музыкального колледжа. Самые важные события в году. И Вика понимала: если она выйдет туда с «подарками», это будет не её победа. А если без них... она рискует с треском провалиться на глазах у всех. Перед финальными стартами и концертом Вика почти перестала спать. Магия, которая поначалу казалась благословением, превратилась в тяжелую цепь. Каждый раз, когда она надевала напульсник или брала в руки медиатор, ей казалось, что вещи смотрят на неё с насмешкой. «Кто ты без нас?» — будто шептали они. В школе её фотографии висели на доске почета, друзья заглядывали в рот, но Вика чувствовала себя обманщицей. Она видела, как её подруга по секции, Катя, пашет на тренировках до седьмого пота, как у неё дрожат колени от усталости, но как искренне она радуется каждому честно отвоёванному миллиметру. Вика же больше не радовалась. Золотые медали в её ящике стола казались ей просто кусками холодного, бездушного металла. Вечер перед финалом. Вика сидела в своей комнате, вертя в руках перламутровый медиатор. Свет лампы отражался в нем, и на секунду ей показалось, что внутри него мелькнуло её собственное отражение — но оно было блеклым и серым. — Я больше не хочу

быть просто подставкой для магии, — твердо сказала она в пустоту комнаты. Она достала из шкафа старую коробку из-под обуви. Туда отправился кожаный напульсник и мерцающий медиатор. Вика плотно закрыла крышку и задвинула её в самый дальний угол, под кровать. Утром она проснулась с ощущением страшной слабости. Руки казались свинцовыми, координация была нарушена. Магия, уходя, забрала с собой даже те силы, которые были у Вики изначально. Это была «ломка» — цена за легкий успех. Стадион. Финал Гран-при. Трибуны гудели. Тренер подошел к Вике и нахмурился: — Вика, ты бледная. Где твой счастливый напульсник? Ты же всегда в нем. — Потеряла, — коротко ответила она, завязывая шнурки на кроссовках. Голос дрожал. Она вышла на дорожку для разбега. Прыжок в длину. Первая попытка — провал. Она едва долетела до четырех метров. Зрители недоуменно зашушукались. Вторая попытка — заступ. Вика стояла на краю ямы с песком, чувствуя, как к горлу подкатывают слезы. В голове пульсировала мысль: «Вернись. Достань коробку. Еще есть время, ты всё исправишь и снова будешь лучшей». Но она посмотрела на свои ладони. Они были пустыми. Чистыми. И в этот момент она почувствовала злость. Настоящую, спортивную злость на саму себя. Вика стояла в начале дорожки. Весь мир сузился до узкой полоски тартана и белой планки впереди. Без магии трибуны казались оглушительными, а ноги — чужими. Но именно сейчас, когда она была слабее всего за последний месяц, она впервые

почувствовала себя собой. Она начала разбег. Каждый шаг давался с трудом, мышцы работали на пределе. Прыжок! В воздухе не было той волшебной невесомости, только пот, напряжение и яростное желание дотянуться до цели. Она приземлилась в песок, тяжело выдохнув. — Пять сорок! — объявил судья. Это не был мировой рекорд. Это даже не было её лучшим результатом той весны. Но это был её честный, «выстраданный» результат. Вика заняла третье место. Когда ей вешали на шею бронзовую медаль, она почувствовала, как по телу разливается горячая волна счастья. Настоящего. Оно не было «холодным», как золото из коробки. Она смеялась, обнимая подруг, и её смех был самым громким на стадионе. Через два часа она уже была в музыкальном зале. В руках — старая гитара, в пальцах — обычный пластиковый медиатор за тридцать рублей. Пальцы болели после стадиона, они были медленнее, чем раньше. Вика вышла на сцену. В первом ряду сидели строгие эксперты. Она начала играть ту самую пьесу. Она сбилась в середине, один

аккорд прозвучал

глухо, она на мгновение зажмурилась от досады... и продолжила. Она вложила в эту музыку всю свою усталость, свою злость и свою новую радость. Гитара не пела сама — Вика заставляла её петь. Когда она закончила, в зале на секунду повисла тишина, а потом раздались аплодисменты. Не такие восторженные, как от «магического» шоу, но искренние. К ней подошел старый профессор. — Знаете, юная леди,

— сказал он, — в прошлый раз вы играли безупречно, но я вам не поверил. А сегодня... сегодня в вашей музыке появилась душа. Ошибки можно исправить, а душу купить нельзя. Продолжайте заниматься. Эпилог. Вечером Вика пришла домой. Она достала коробку из-под кровати. Странно, но медиатор больше не светился, а напульсник выглядел как самая обычная старая кожа. Магия ушла, потому что она ей больше не принадлежала. Вика вышла на балкон и просто разжала кулак. Вещи бесшумно упали в траву, исчезнув в сумерках. Ей не было жаль. Она вернулась в комнату, взяла гитару и начала учить новую гамму. Медленно, по одной ноте, стирая подушечки пальцев. Каждый звук был её собственным. И это было самое большое волшебство, которое только могло случиться первого апреля.

Слепая зона

Описание: Максим — «человек-тень». В жестокой иерархии средней школы он выбрал самую безопасную тактику: быть незаметным, не вступать в конфликты и никогда не смотреть в глаза лидерам класса. Но когда в их «бетонном аквариуме» появляется безобидный новенький Илья, живущий с больной бабушкой, привычный мир Максима даст трещину. Местная «элита» во главе с сыном влиятельного чиновника выбирает Илью своей жертвой, превращая его жизнь в ежедневный ад. Максим видит всё: каждое унижение, каждую сцену жестокости и позорное молчание учителей. Терзаемый трусостью и проснувшейся совестью, он понимает, что открытый протест уничтожит и его самого. Тогда Максим решает использовать свою невидимость как оружие. Начав тайную охоту на мучителей с камерой в руках, он готовит информационный удар, который навсегда разрушит систему безнаказанности в его школе. Это история о том, что даже один тихий голос, если он говорит правду, способен сокрушить стену равнодушия.

В школе я научился одной важной вещи — геометрии выживания. Если ты стоишь под правильным углом к стене, не поднимаешь глаз выше уровня чьей-то груди и никогда не смеешься слишком громко, ты становишься прозрачным. Моя жизнь — это серая зона. Я не отличник, чтобы меня ненавидели за зубрежку, и не двоечник, чтобы на мне срывали злость учителя. Я — фон. Статист в чужом кино. Утро

понедельника всегда пахнет хлоркой и дешевым кофе из автомата. Я сидел за своей третьей партой у окна, когда дверь открылась и завуч ввела его. Илья. Он выглядел так, будто его достали из сундука с нафталином. Пиджак, который явно был велик в плечах, и эти очки... Огромные, в тяжелой роговой оправе, которые делали его похожим на испуганную сову. — Ребята, это Илья. Он переехал к нам из области. Прошу любить и жаловать, — сухо бросила завуч и исчезла, оставив его на растерзание тишине. Я сразу почувствовал, как изменился воздух в классе. Это был запах озона перед грозой. Костя Громов, сидевший на задней парте, медленно откинулся на спинку стула. Его взгляд, ленивый и тяжелый, прошелся по Илье, как сканер. Громов не был тупым качком. В нем была какая-то породистая жестокость, подкрепленная уверенностью, что мир принадлежит ему по праву рождения. Его отец держал половину городских контрактов, и это знание Костя носил как невидимую корону. Илья сел на свободное место прямо передо мной. Я видел его затылок — бледная кожа, коротко стриженные волосы и едва заметная дрожь в плечах. От него пахло старой квартирой, мятой и чем-то неуловимо домашним, совсем не подходящим для нашего бетонного аквариума. — Эй, очкарик, — негромко, почти ласково позвал Громов на первой же перемене. — А че у тебя пиджак такой... исторический? В нем еще твой дед за немцами бегал? Класс замер. Это был момент истины. Если бы Илья отшутился или хотя бы промолчал с достоинством,

всё могло бы пойти иначе. Но он обернулся и виновато улыбнулся. — Это папин... — тихо сказал он. — Бабушка сказала, что он еще хороший. Качественный. Слово «качественный» повисло в воздухе, как нелепая шутка. Громов хмыкнул, и этот звук стал сигналом для остальных. Смех прокатился по рядам — сначала робкий, потом всё более уверенный. Я тоже растянул губы в подобии улыбки. Не потому, что мне было смешно. А потому, что так было безопасно. Если ты смеешься со всеми, ты — часть стаи. На третьем уроке случился первый «сбой». На математике Илья вышел к доске. Он щелкал задачи как орехи, его мел летал по доске, оставляя аккуратные, красивые цифры. Учительница расцвела — наконец-то кто-то, кто не мычит в ответ на вопрос о производной. — Молодец, Илья. Пять. Садись. Когда он проходил мимо парты Громова, тот якобы случайно вытянул ногу. Илья не просто споткнулся — он полетел вперед, едва не вписавшись лицом в угол стола. Грохот, летящие тетради, его очки отлетели к самой двери. Класс взорвался хохотом. Громов даже не улыбался, он просто смотрел в окно с видом глубочайшей скуки. Илья ползал по линолеуму, пытаясь нащупать очки. Я видел, как его пальцы шарят по грязному полу, прямо рядом с моим кроссовком. Мне достаточно было просто наклониться, поднять их и протянуть ему. Это заняло бы две секунды. Я смотрел на его незащитный затылок, на его сбитые в кровь коленки. Моё сердце колотилось где-то в горле. «Подними», — шепнул внутренний голос. Но я по-

чувствовал на себе взгляд Громова. Он не смотрел на Илью. Он смотрел на класс, проверяя, не найдется ли среди нас «герой». Я не шелохнулся. Я просто смотрел в свой учебник, изучая график функции так внимательно, будто в нем был скрыт смысл жизни. Илья нашел очки, одна линза треснула тонкой паутинкой. Он сел на место, и я услышал его тяжелое, прерывистое дыхание. Он не плакал. Он просто пытался раствориться в воздухе, как я. Только у него не получалось. Он был слишком ярким пятном на нашем сером фоне. Вечером я долго не мог уснуть. Перед глазами стояла эта трещина на линзе. Я думал о том, что Илья придет домой, к своей бабушке, и наверняка соврет, что просто споткнулся на лестнице. А она будет чинить этот пиджак и верить, что в новой школе у внука всё хорошо. В этот момент я еще не знал, что это только начало. Что через неделю я буду мечтать о том, чтобы у меня хватило смелости хотя бы просто заговорить с ним. Но страх — это такая штука, которая растет быстрее, чем любая совесть. Я засыпал, надеясь, что завтра они найдут себе другую жертву. Но в глубине души я знал: Громов почуял кровь. И он не остановится, пока не раздавит этого «качественного» мальчика окончательно. Я был наблюдателем. И это была моя первая большая ложь самому себе — вера в то, что если ты просто смотришь, ты не виноват. К третьей неделе пребывания Ильи в нашем классе воздух в школе стал для меня густым, как кисель. Мне казалось, что я физически чувствую, как нарастает напряжение. Травля — это

ведь не разовое событие, это процесс, ежедневная работа по разрушению человеческого достоинства. И Громов со своей свитой трудились сверхурочно. Илья пытался быть «правильным». Он приносил из дома аккуратно нарезанные яблоки в контейнере, читал на переменах потрепанные томики Стругацких и всегда здоровался с учителями первым. Это была его фатальная ошибка. В нашем мире любая демонстрация воспитания воспринималась как вызов, как высокомерие «городского умника». Я наблюдал за тем, как сужалось его жизненное пространство. Сначала его вытеснили из столовой. Стоило Илье сесть за стол, как Громов и его правая рука, туповатый, но исполнительный Вадим, подсаживались рядом. Они не били его. Нет, они просто начинали обсуждать «запах нищеты» и «стариковские манеры», громко смеясь и задевая его локтями. Через пару дней Илья перестал ходить в столовую. Он съедал свои яблоки в туалете или на лестнице черного хода, прячась от лишних глаз. Но от Громова нельзя было спрятаться. — Эй, Хранитель Традиций! — крикнул Вадим в раздевалке перед физкультурой. — А че это у тебя штаны такие короткие? Бабушка подшить забыла или ты просто надеешься, что мы твои носки оценим? Илья молча натягивал кроссовки. Он научился мастерски не реагировать, превращаясь в каменное изваяние. Но это только раззадоривало их. Вадим подошел вплотную и с силой наступил на носок его кроссовка, оставляя грязный след на белой ткани. — Ой, извини. Я думал, это половая тряпка валя-

ется. В раздевалке повисла тяжелая тишина. Тридцать парней замерли, глядя в пол или в свои шкафчики. Я завязывал шнурки так долго, что они, казалось, начали плавиться в моих руках. Внутри меня всё кричало: «Скажи им, чтобы отвалили!». Но я только плотнее сжал зубы. Я чувствовал себя трусом, и это чувство было горьким, как пепел. Учителя... это отдельная тема. Наша классная руководительница, Марина Сергеевна, всё видела. Я уверен в этом. Она видела его испачканные мелом куртки, видела, как он вжимается в стену, когда мимо проходит компания Громова. Но она молчала. Громов-старший недавно спонсировал ремонт в кабинете химии и купил новые интерактивные доски. Престиж школы держался на таких, как Громовы. Илья же был статистической погрешностью, обузой, которая только портила общую картину благополучия. Однажды на литературе мы прПреоходили «Преступление и наказание». Марина Сергеевна рассуждала о «твари дрожащей» и «праве имеющих». Я смотрел в затылок Илье и думал о том, насколько цинично это звучит здесь и сейчас. Раскольников убил старуху-процентщицу, а Громов убивал Илью по кусочку каждый день, и никто не считал это преступлением. Самым страшным было то, что я начал привыкать. Человек ко всему привыкает — и к запаху гари, и к виду чужого страдания. Я начал ловить себя на мысли: «Ну, сегодня его хотя бы не били, просто облили водой рюкзак. Не так уж плохо». Мой порог чувствительности падал. Я становился соучастником через свое бездействие.

Терзания настигали меня по ночам. Я представлял, как Илья возвращается в свою маленькую квартиру, где пахнет корвалолом и жареной картошкой. Как его бабушка, подслеповато щурясь, спрашивает: «Ну как в школе, Илюша? Подружился с кем-нибудь?». И как он, выдавливая улыбку, отвечает: «Да, ба, всё нормально. Ребята хорошие». Мне хотелось кричать от этой несправедливости. Но утром я снова надевал свое серое худи и снова превращался в тень. Апогей наступил в четверг. Было холодно, шел мокрый снег. Я задержался в кабинете физики, исправляя лабораторную. Когда я спускался, на лестничном пролете между вторым и первым этажом я увидел их. Громов, Вадим и еще двое держали Илью за руки. Он не сопротивлялся, он просто обмяк, как тряпичная кукла. Громов держал в руках его телефон — старый, кнопочный «Самсунг». — Бабушке звонить собрался? Жаловаться? — Громов ухмыльнулся. — А давай проверим его на прочность. Говорят, эти древние трубки не убиваемы. Он подбросил телефон и с силой нанес удар ногой, как по футбольному мячу. Телефон врезался в стену и разлетелся на части. Эккумулятор вылетел и укатился под лестницу. Илья вдруг дернулся. Это был не страх за вещь, это было что-то другое. — Отдай... там номер... — его голос сорвался на хрип. — Там номер врача, бабушке может стать плохо! — Ой, как трогательно, — Вадим толкнул его в грудь. — Врача он хочет. Ты сам скоро к врачу захочешь, если не заткнешься. Они начали толкать его друг другу, как мяч. Илья споты-

кался, падал, его поднимали за шиворот и снова толкали. Я стоял этажом выше, в тени колонны, и видел всё. Мои пальцы сжимали перила так, что побелели костяшки. В кармане лежал мой смартфон. Современный, быстрый, с отличной камерой. В этот момент я понял: Илья не выживет. Не в физическом смысле, а в человеческом. Они сломают его стержень, и он навсегда останется этим испуганным существом, которое боится поднять глаза. И если я не сделаю ничего, я сломаюсь вместе с ним. Только Илья будет жертвой, а я — гнилью, которая позволила этому случиться. Я достал телефон. Экран вспыхнул, освещая мое лицо. Я быстро перевел его в беззвучный режим и включил камеру. Руки тряслись, но я прижал смартфон к колонне, чтобы стабилизировать картинку. На экране я видел, как Громов схватил Илью за волосы и заставил смотреть на разбитый телефон. — Теперь ты будешь делать всё, что я скажу. Понял, деревенский? Я нажал кнопку записи. Красная точка мигнула, как сигнал тревоги. Это был мой первый шаг. Я еще не знал, как я использую это видео, но я чувствовал, что теперь я не просто наблюдатель. Я стал охотником, который затаился в кустах и ждет, когда хищник совершит свою главную ошибку. В ту ночь я впервые не чувствовал себя трусом. Я чувствовал себя бомбой с часовым механизмом. И я знал, что Громов сам заведет этот механизм. Оставалось только подождать подходящего момента. К середине второй четверти школа окончательно превратилась в зону боевых действий, где была толь-

ко одна сторона, имеющая право на огонь. Громов почувствовал вкус абсолютной власти. Это опьянение безнаказанностью сделало его изобретательным. Он больше не просто толкал Илью — он создавал из его унижения перформансы. В ту среду в школе было особенно душно из-за неисправных батарей. На большой перемене толпа потянулась к заднему двору, за теплицы, где обычно курили старшешаклассники. Я шел следом, стараясь не привлекать внимания, чувствуя, как внутри всё сжимается в тугой узел. Я знал: сегодня что-то будет. Громов всё утро был в скверном настроении — отец-чиновник получил какой-то выговор, и Косте нужно было на ком-то «слить» накопившуюся желчь. За теплицами было сыро. Грязь вперемешку с подтаявшим снегом превратилась в скользкое месиво. Илью приволокли туда за шкирку. Он выглядел изможденным. Очки были заклеены синей изолентой на переносице, под левым глазом зацветал желтоватый синяк. — Знаешь, Илюх, — Громов медленно затянулся электронной сигаретой, выпуская облако приторно-сладкого дыма прямо в лицо парню. — Ты нам надоел. Своим видом, своей покорностью, своим молчанием. Ты как овощ. А овощи должны сидеть в земле. Вадим и еще один парень из параллельного, здоровяк с пустыми глазами, повалили Илью на колени. Прямо в эту черную, холодную жижу. — Давай, очкарик, покажи, как ты любишь природу, — Громов наступил подошвой кроссовка Илье на затылок, медленно прижимая его лицо к грязной земле. — Ешь. Я стоял за

углом теплицы, скрытый ржавым листом железа. Мои руки не просто дрожали — их колотило. Я вытащил телефон, при-слонил его к щели в обшивке. Объектив поймал картинку. В кадре было лицо Ильи — искаженное ужасом, облеплен-ное грязью. Он пытался отвернуться, вырваться, но тяжелый ботинок Громова вжимал его всё глубже. — Давай, или мы завтра приходим к твоей бабке, — тихо прошипел Громов. — Скажем, что ты у нас деньги воруешь. Как думаешь, выдержишь ее сердце такой позор? Это был удар под дых. Илья замер. В этот момент я увидел, как в нем что-то окончательно умерло. Его сопротивление исчезло. Он открыл рот и... захлебнулся этой грязью. Толпа вокруг заулюлюкала. Кто-то снимал это на iPhone, кто-то просто ржал, хлопая себя по бедрам. Я смотрел на экран своего телефона и чувствовал, как меня тошнит. Настоящая, физическая тошнота подка-тывала к горлу. Я снимал это преступление, снимал их ли-ца — довольные, сытые, уверенные в том, что им за это ни-чего не будет. Громов в какой-то момент поднял голову и посмотрел прямо в сторону теплицы. Я замер, перестав ды-шать. Сердце бухало в ушах, как огромный барабан. Но он меня не увидел. Для него я был частью пейзажа, куском ржа-вого железа. Когда они закончили, оставив Илью лежать в грязи и вытирать рот рукавом старого пиджака, я не вышел помочь. Я дождался, пока все уйдут. И только тогда, прячась, как преступник, убежал в туалет. Там, закрывшись в кабин-ке, я пересмотрел видео. Это было за гранью. Это было не

«хулиганство». Это была систематическая пытка. Мой телефон стал хранилищем ужаса. У меня были записи: как Громов заставляет Илью чистить свои ботинки в раздевалке; как они выбрасывают его сумку из окна второго этажа прямо в лужу; как Вадим бьет его под дых в пустом коридоре, пока дежурный учитель «отвернулся» к окну. Я понял, что больше не могу ждать. Моя «невидимость» дала мне доступ к тому, чего не видели взрослые. Или не хотели видеть. Вечером я заперся в комнате. Родители думали, что я делаю уроки. А я создавал цифровую бомбу. Я вырезал самые жесткие моменты, накладывал субтитры с именами и должностями тех учителей, которые в этот момент были рядом и «ничего не заметили». Мой мозг работал как четко отлаженный механизм. Я вспомнил всё, что читал об информационной безопасности. 1.VPN. Я скачал расширение, которое меняло мой IP на нидерландский. 2.Анонимная почта. Никаких имен, никаких привязок к телефону. 3.Облачное хранилище. Я залил туда весь архив — фото синяков, видео издевательств, записи их разговоров. 4.Я составил список адресов. Я не собирался писать в полицию — там папа Громова всё замнет за час. Я выбрал тех, кто живет на скандалах и хайпе. 5.«Городской дозор» — паблик с полумиллионной аудиторией, который обожал разоблачать чиновников. 6.Региональный филиал крупного федерального канала. 7.Известный юрист-правозащитник, который сделал имя на делах о буллинге. 8.Министерство образования (официальная при-

емная) — для того, чтобы у них не было возможности сказать «мы не знали». Текст письма я переписывал трижды. Я убрал из него все эмоции. Только факты. «В школе №... на протяжении трех месяцев совершаются преступления против личности. Администрация школы в курсе, но покрывает зачинщиков из-за их высокого социального статуса. Посмотрите вложенные файлы. Если завтра этот парень покончит с собой, кровь будет на ваших руках тоже». Палец завис над кнопкой «Отправить». В этот момент мне стало по-настоящему страшно. Если меня вычислят, моя жизнь закончится. Громов меня уничтожит. Но потом я вспомнил лицо Ильи в грязи. Вспомнил его бабушку, которую он так отчаянно пытался защитить своим молчанием. — Черт с вами, — прошептал я и нажал Enter. Экран мигнул: «Письмо отправлено». В ту же секунду я почувствовал, как по спине пробежал холод. Обратного пути не было. Механизм был запущен. Я удалил все следы со своего компьютера, почистил историю, выключил телефон и спрятал его в старую коробку с лего под кроватью. Следующий день в школе был необычно тихим. Громов вел себя как обычно, Илья сидел, вжавшись в парту. Никто не знал, что под этим спокойствием уже тикает детонатор. Я сидел на своем месте, смотрел в спину Илье и думал: «Держись. Еще немного». Я больше не был тенью. Я был снайпером, который уже нажал на спусковой крючок и теперь просто ждал, когда пуля долетит до цели. И пуля эта была сделана из чистой, дистиллированной правды. Пятни-

да началась как обычно, но к третьему уроку воздух в школе наэлектризовался до предела. Я сидел на истории, когда заметил, как Марина Сергеевна — наша классная — внезапно побледнела, глядя в свой смартфон. Ее рука дрогнула, и телефон с глухим стуком упал на линолеум. Она даже не подняла его. Она просто выбежала из класса, не сказав ни слова. Я понял: «бомба» взорвалась. Через десять минут по коридорам пронесся гул. Ученики начали доставать телефоны. По рядам пополз шепот, переходящий в истерический смех и вскрики. Видео, которое я отправил, выстрелило. Паблик «Городской дозор» выложил его с заголовком: «Элита или зверьё? Как сынки чиновников топчут людей в школе №...». За час пост набрал тридцать тысяч репостов. Я посмотрел на Громова. Он сидел, развалившись, и что-то печатал, пока Вадим не ткнул его в плечо и не показал экран. Лицо Кости менялось на глазах. Сначала — недоумение, потом — самоуверенная ухмылка («Батя порешает»), и, наконец, мертвенная бледность. На видео его лицо было запечатлено в идеальном ракурсе именно в тот момент, когда он втирал лицо Ильи в грязь. Это было не просто видео — это был приговор. — Кто это снял?! — Громов вскочил, опрокинув стул. Его голос сорвался на визг. — Кто, сука, это сделал?! Он озирался по сторонам, и в его глазах я впервые увидел не скуку хищника, а первобытный страх загнанного зверя. Он смотрел на отличников, на спортсменов, на своих же «шестерок». Но его взгляд проскользил мимо меня, как мимо пустого ме-

ста. Я продолжал рисовать в тетради какие-то схемы, хотя сердце колотилось так, что, казалось, ребра сейчас треснут. В полдень у ворот школы уже стояли две фуры с надписью «ВЕСТИ» и несколько машин без опознавательных знаков. В здание вошли люди в строгих костюмах из департамента образования и следователи Следственного комитета. В школе объявили эвакуацию «по техническим причинам», но все знали правду. Я стоял в толпе на школьном дворе, пряча лицо в глубоком капюшоне. Громова и Вадима выводили под конвоем. Не для ареста — пока только для допроса, — но на них уже наставили десятки объективов телекамер. Громов пытался закрыться курткой, но люди вокруг — те самые одноклассники, которые вчера смеялись над его шутками — теперь улюлюкали и снимали его позор. Толпа всегда любит смену лидера. Илью я увидел чуть в стороне. Его бабушка, маленькая женщина в старомодном пальто, крепко обнимала его за плечи. Она плакала, а Илья... Илья просто смотрел на здание школы. В его взгляде не было торжества. Только бесконечная, смертельная усталость. К ним подошла женщина — правозащитница, которой я писал. Она что-то тихо говорила, загораживая их от репортеров. Эпилог Спустя месяц школа изменилась до неузнаваемости. Марину Сергеевну уволили «по собственному желанию» без права восстановления в педагогической сфере. Директора сменили, и теперь по коридорам ходили новые дежурные, которые заглядывали в каждый угол. Отец Громова лишился должности.

Против самого Кости и Вадима возбудили дело. Говорили, что им грозит реальный срок в колонии для несовершеннолетних, потому что правозащитники вцепились в это дело мертвой хваткой, не давая его замять. Илья перевелся в другую школу, специализированную, с углубленным изучением физики. Говорят, там его ценят за мозги, а не за одежду. Мы больше не общались. Иногда мне хотелось подойти к нему в тот последний день и сказать: «Это был я. Ты не один». Но я промолчал. Моя невидимость — это мой щит. Если бы Громов узнал, кто его сдал, месть была бы страшной. А так — я остался просто Максимом с третьей парты. Я сидел в парке и смотрел, как горит закат. В кармане завибрировал телефон. Уведомление из почты: ответ от того самого юриста. «Спасибо вам. Без этих записей мы бы ничего не доказали. Вы спасли парню жизнь». Я удалил письмо. Удалил аккаунт. Достал сим-карту, разломал ее на мелкие кусочки и выбросил в урну. Мир не стал идеальным. В других школах прямо сейчас кого-то толкают в раздевалках, чьи-то вещи летят в унитаз, а кто-то стоит в тени и боится вздохнуть. Но я теперь точно знал: даже если ты тень, ты можешь отбросить свет. Даже если ты никто, ты можешь стать правосудием. Я встал, поправил рюкзак и пошел домой. В понедельник снова в школу. Но теперь я больше не прятал глаза. Ведь иногда, чтобы увидеть монстра, нужно просто перестать моргать. А чтобы победить его — нужно просто нажать на кнопку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.